P 27
192

Василію Ивановичу Водовозову
отъ автора.
Р 27/192
801-93
8442-5

ѲЕДОРЪ БОРИСОВИЧЪ ГОДУНОВЪ.

(1589—1605.)

ИСТОРИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

—

М. Д. Хмырова.

ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С. С. С. Р.
ф.32-5051

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1863.

Дозволено Цензурою. С. Петербургъ, 9 Апрѣля 1863 г.

Въ Типографіи. В. Спиридонова и К°.

2007058044

Р 27/192

ѲЕДОРЪ БОРИСОВИЧЪ ГОДУНОВЪ.

(1589—1605.)

ИСТОРИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Ѳедоръ же вмалѣ послѣ отца своего царскія державы насладися и тако, аки тихъ овенъ на ничтоже злобу имуще, скончася.

Изъ Современнаго Хронографа.

Съ началомъ 1589 г. наступалъ пятый годъ царствованія сына и преемника Грознаго, слабаго Ѳедора Ивановича, постника и молчальника на тронѣ, монаха больше нежели царя,—и начинался пятый годъ *цареванія* или полноправнаго распоряженія Россіею шурина царскаго, Бориса Ѳедоровича Годунова, о которомъ лѣтописецъ повѣствуетъ, что онъ «одаренъ былъ отъ Бога возрастомъ и человѣчествомъ и умомъ паче всѣхъ человѣкъ: образомъ своимъ и дѣлы множество людей превосшелъ, и никто же бѣ ему отъ царскаго сигклита подобенъ

во благолѣпіи лица его и въ разсужденіи ума его, и велерѣчивъ зѣло, и многое дивное о себѣ творяше» (1). Облеченный въ знатный санъ конюшаго, съ титломъ ближняго великаго боярина и званіемъ намѣстника царствъ казанскаго и астраханскаго, шуринъ царскій уже не боялся соперничества ни Шуйскихъ, ни Мстиславскихъ, ни Бѣльскихъ, сосланныхъ и частію умершихъ въ заточеніи, уже не видѣлъ враговъ ни въ Голицыныхъ, ни въ Куракиныхъ, ни въ Головиныхъ, или удаленныхъ изъ Москвы или удалившихся изъ Россіи, уже свергнулъ съ святительскаго престола митрополита Діонисія, котораго замѣнилъ преданнымъ себѣ Іовомъ и, пользуясь такимъ уваженіемъ государей иностранныхъ, что даже сама Елизавета, гордая королева англійская, писывала къ нему не иначе, какъ «пресвѣтлый княже, кровный пріятель любезнѣйшій» (2)—былъ въ то же время счастливымъ супругомъ Маріи Григорьевны Скуратовой, дочери извѣстнаго главы опричниковъ Малюты-Скуратова, и нѣжнымъ отцомъ семилѣтней Ксеніи. Кромѣ Ксеніи, Борисъ, если вѣрить Флетчеру, имѣлъ еще сы-

(1) Исторія Государства Россійскаго, Н. Карамзина. Изд. 5, т. X, прим 13.

(2) Исторія медицины въ Россіи, В. Рихтера. Изд. 1814 г., ч. 1, с. 406.

на, котораго потерялъ въ 1588 г., и потерялъ собственно потому, что, когда заболѣлъ этотъ младенецъ, отецъ, не смотря на зимнюю стужу, ежедневно носилъ его въ церковь Василія Блаженнаго къ мощамъ святаго и, не слушая врачей, поилъ тамъ младенца холодною водою, отчего бѣдный малютка распростудился, занемогъ еще сильнѣе и умеръ (3). Однако, и тутъ судьба, до-сихъ-поръ особенно покровительствовавшая Борису, не хотѣла разстроивать благополучія своего любимца, а напротивъ, какъ будто спѣшила прибавить къ удачамъ правителя счастіе отца,—и въ началѣ 1589 г., т. е. въ то самое время, когда, по мысли Бориса, учреждалось въ Россіи патріаршество—мѣра безполезная для государства, но важная для шурина царскаго, располагавшаго, такимъ образомъ, въ свою пользу все русское духовенство,—у Бориса родился второй сынъ, Ѳедоръ. Въ какомъ именно мѣсяцѣ 1589 г. случилось это радостное для Бориса событіе, въ точности неизвѣстно; но цареградскій патріархъ, Іеремія ставившій перваго русскаго патріарха, Іова и выѣхавшій изъ Москвы весною 1589 г., въ грамотѣ своей отъ 2-го іюня 1589 г., посланной къ Борису съ дороги, изъ Смоленска, между прочимъ, писалъ: «Благодать тебѣ государю и миръ

(3) Ист. Гос. Рос. Т. X, стр. 161.

и милость отъ Бога Вседержителя со всѣмъ твоимъ преблагословеннымъ домомъ *и со возлюбленными твоими чады*, и имъ Божія благодать» (4). Стало быть, въ іюнѣ 1589 г. у Бориса было уже не одно *чадо*, и Ѳедоръ Борисовичъ родился ранѣе этого мѣсяца.

О младенчествѣ сына Борисова нельзя сказать многаго, хотя младенчество это, сообразно положенію самого Бориса и, можетъ быть, сокровеннымъ планамъ царскаго шурина, по всей вѣроятности, имѣло всю обстановку быта царевичей до-петровской эпохи. Однако, на основаніи любопытныхъ изысканій г. Забѣлина, откровенно предупреждающаго, что «очень трудно, почти невозможно, при совершенномъ недостаткѣ свѣдѣній, составить полную картину воспитанія царскихъ дѣтей, прослѣдить всѣ условія, подъ вліяніемъ которыхъ возрасталъ царственный ребенокъ» (5), можно принять за вѣрное, что къ сыну Борисову, тотчасъ же по рожденіи его, была приставлена для досмотру мамка, обыкновенно честная женщина изъ старыхъ вдовъ, за тѣмъ нянька и, наконецъ, иныя прислу-

---

(4) Древняя Россійская Вивліоѳика, Н. Новикова, изд. 2-о Т. XII. стр. 341.

(5) Домашній бытъ русскихъ царей прежняго времени, И. Забѣлина.—См. Отечественныя Записки 1854 г. Іюнь, отд. II, стр. 51 (статья VI).

жницы; что, по истеченіи года, у дитяти сняли первые волоски и сдѣлали это воспріемники, разумѣется, съ молитвою, въ присутствіи священника; что первою игрушкою Ѳедора была деревянная потѣшная лошадка, на которой уже ѣздилъ онъ году или двухъ и что вообще все воспитаніе его до 5-ти лѣтняго возраста было исключительно женскимъ дѣломъ. Со всѣмъ тѣмъ, имя сына Борисова уже начало появляться въ офиціальной перепискѣ отца его, когда Ѳедору было всего 3 года, что видно изъ письма Борисова, посланнаго къ іерусалимскому патріарху Софронію въ мартѣ 1592 г., гдѣ, между прочимъ, значится: «Жена моя Марья тебѣ Великому господину челомъ бьетъ ширинку, *сынъ мой Ѳедоръ тебѣ Великому господину челомъ бьетъ кубокъ серебрянъ золоченъ съ покрышкою* и дочь моя Аксинья тебѣ Великому господину и государю челомъ бьетъ икону Спасовъ образъ да ширинку» (6). Знакомя, такимъ образомъ, иноземцевъ съ каждымъ изъ членовъ семьи своей, Борисъ, въ то же время, содержалъ эту семью въ страхѣ и благочестіи, свойственныхъ тогдашней эпохѣ, вслѣдствіе чего и Ѳедоръ Борисовичъ несомнѣнно болѣе или менѣе испытывалъ на себѣ практическое приложеніе слѣдующихъ истинъ Домостроя: «казни сы-

(6) Древн. Рос. Вивл. XII. 14,

на своего отъ юности его, и покоитъ тя на старость твою, и дастъ красоту души твоей. И не ослабляй бія младенца: аще бо жезломъ біеши его, не умретъ, но здравіе будетъ; ты бо, бія его по тѣлу, а душу его избавляеши отъ смерти... Казни сына своего изъ-млада, и порадуешися о немъ въ мужествѣ: и посреди злыхъ похвалишися, и зависть пріимутъ враги твоя. Воспитай дѣтище съ прещеніемъ, и обрящеши о немъ покой и благословеніе. Не смѣйся къ нему, игры творя: въ малѣ бо ся ослабиши, въ велицѣ поболиши, скорбя; и послѣ же яко *оскомины творяши* души твоей. И не дажъ ему власти во юности, но сокруши ему ребра, дондеже ростетъ....» (7). Съ другой стороны, у сына Борисова, конечно, не могло быть недостатка въ забавахъ, свойственныхъ ребяческому возрасту и ему, безъ всякаго сомнѣнія, безпрерывно покупались въ московскихъ овощномъ и *потѣшномъ* игрушечныхъ рядахъ, различныя *потѣхи* въ родѣ «птичекъ кожаныхъ и баранчиковъ деревянныхъ, и жбанцевъ, и горшечковъ, и мечиковъ, и колокольчиковъ», или выплачивали деньги дворцовымъ мастерамъ—токарямъ, станечникамъ, живописцамъ—за потѣхи для Ѳедора, «за нѣмки и за кони-

(7) Домострой благовѣщенскаго попа Сильвестра. Изд. 1849 г. стр. 21. (Гл. XVII: «Како дѣти учити и страхомъ спасати»)

ки, и за ястребцы, и за пѣтушки, и за баранчики деревянные, и за коточки мурамленые, и за иныя за всякія разныя потѣхи», бывшія въ ходу между дѣтьми знатныхъ людей XVI—XVII в. (8). По наступленіи 5-ти лѣтняго возраста, сынъ Бориса, въ силу существовавшаго тогда обычая, переставалъ спать въ колыбели, замѣнившейся съ этого времени особымъ *чуланомъ* въ родительскихъ хоромахъ, и для дальнѣйшаго *береженія и ученія* долженъ былъ перейти съ рукъ мамы къ *дядькѣ*, въ должность котораго обыкновенно избирался человѣкъ *тихій и разумный*. Этотъ переломъ въ воспитаніи ребенка отражался прежде всего на игрушкахъ послѣдняго, родъ которыхъ, естественнымъ образомъ, принималъ другую форму. Такъ, ребята XVI—XVII в., лѣтъ пяти и даже ранѣе, надѣвали игрушечные латы и шлемы, что видно изъ хранящагося въ московской оружейной палатѣ маленькаго стальнаго шлема царевича Ивана Ивановича, съ наведенною по вѣнцу золотою надписью: «Повелѣніемъ Благовѣрнаго и Христолюбиваго царя и великаго князя Ивана Васильевича, всея Руссіи самодержца, сдѣланъ шеломъ сей благородному сыну его царевичу Ивану Ивановичу въ четвертое лѣто отъ рожденія его, въ препмеиитомъ и царствующемъ градѣ Москвѣ, въ

---

(8) Др. быт. Рус. цар. VI 62 —См. Отеч. Зач. 1854 г. Іюня.

ПУБЛ. БИБЛ. имени В. И. ЛЕНИНА С. С. С. Р.

лѣто 7065 (1557) іюня въ 8 день» (*). Само собою разумѣется, что съ латами и шлемами были соединены разныя дѣтскія потѣхи, какъ-то: битье въ барабанъ, стрѣляніе изъ деревянныхъ пистолей, пушекъ и луковъ, изъ послѣднихъ—*томарами, стрѣлами, свистами* и другаго рода стрѣлами, иногда съ *орловыми бѣлохвостыми* перьями, а позже —игра съ сверстниками въ *ратный строй*, забавы, перемежавшіяся спусканіемъ *волчковъ* и *вертушекъ*, гонкою *кубарей*, игрою въ *мячъ*, въ нѣмецкія простыя и молотковыя *карты*, продававшіяся въ московскомъ овощномъ ряду; далѣе въ *тавлеи, бирки, саки*, и другія игры, однородныя съ шахматами, наконецъ и въ самые *шахматы*, занимавшіе дѣтей не какъ игра, а какъ игрушка, слѣдовательно входившіе и въ кругъ забавъ ребенка, сына Борисова, шахматы котораго были, конечно, не простые, а изъ слоновой или рыбьей кости, и разстанавливались по доскѣ, расписанной красками и украшенной золотомъ и серебромъ. Всѣмъ этимъ сынъ Бориса забавлялся подъ неусыпнымъ надзоромъ безотлучнаго дядьки, на рукахъ котораго, по тогдашнему нор ку, хранился, въ кипарисномъ ларцѣ, и весь гардеробъ ребенка, заготовлявшійся,—конечно, по всѣмъ правиламъ Домостроя—матерью Ѳедора, добродѣтельною

(*) Московская Оружейная Палата, изд 1860 ст. 235.

Марьею Григорьевною. Въ составъ этого гардероба, не разнившагося ни покроемъ, ни названіемъ одеждъ отъ гардероба взрослыхъ, входили: множество полотняныхъ и тафтяныхъ *сорочекъ*, всегда съ богатымъ ожерельемъ, и такихъ же *штаниковъ*, иногда кроеныхъ, вмѣстѣ съ чулками, а для зимы подбитыхъ мѣхомъ; куча обуви, состоявшей изъ чулковъ рѣдко вязанныхъ, по бо́льшею частію *тафтяныхъ*, часто на мѣху, или сафьяныхъ, слывшихъ *чедыками* и не надѣвавшихся иначе какъ съ *башмаками*, тогда какъ при тафтяныхъ чулкахъ употреблялись *чоботы*, т. е. короткіе сапоги; цѣлая коллекція шелковыхъ и золотыхъ *зипуновъ*, платья, надѣвавшагося прямо на сорочку; огромное количество втораго платья, т. е. богато вышитыхъ золотомъ и серебромъ *ферезей*, *становыхъ кафтановъ*, *кафтанцовъ*, *сарафанцовъ*, *кибеняковъ*, *кабатовъ* и *чуг*. безразлично опоясывавшихся *кушаками* или *шемами*, и третьяго или *верхняго* платья, къ которому принадлежали: *платны*, *опашни*, *однорядки*, *ферези ъздовыя*, или *ферези* и *шубы*; наконецъ, богатый выборъ головныхъ уборовъ, къ которымъ принадлежали: *шапки*, *аракчины*, *тафьи* и *треухи*.

Но, предоставивъ Марьѣ Григорьевнѣ и дядькѣ Ѳедора попеченіе о гардеробѣ и забавахъ ребенка, Борисъ взялъ на себя заботу о научномъ образованіи сына, котораго любилъ страстно и, можетъ

быть, заблаговременно, хотя сокровенно отъ самыхъ членовъ семьи, подготовлялъ къ будущему, высокому жребію. Это подтверждается и догадкою Карамзина, что приглашеніе въ Россію славнаго англійскаго математика, астролога и алхимика Джона Ди, котораго Елизавета называла *своимъ философомъ*, и предложеніе этому Ди 2-хъ тыс. р. жалованья отъ царя Ѳедора и особо 1000 р. со столомъ и прислугою отъ боярина конюшаго Бориса Годунова—дѣло не состоявшееся за отказомъ самого Ди,—основывалось не на томъ, чтобы пользоваться совѣтами этого англичанина для открытія за-сибирскихъ земель, какъ думали и писали тогда чужеземцы, а имѣло цѣлью порученіе этому Ди воспитанія царскаго племянника, т. е. сына Борисова (10). И такъ какъ «издревле россійскимъ дѣтоводцемъ и учителемъ обычай бѣ и есть, учити дѣти малыя, въ началѣ азбуцѣ, потомъ часословцу и псалтири, таже писати, по сихъ же нѣцыи преподаютъ и чтеніе апостола: возростающихъ же препровождаютъ ко чтеніи и священныя библіи, и бесѣдъ евангельскихъ, и къ разсужденію высокаго во оныхъ книгахъ лежащаго разумѣнія» (11),—то Борисъ, не могшій изобрѣсти никакого другаго курса наукъ, но самъ, человѣкъ по

(10) Ист. Гос. Рос. X. 147. и прим. 431.

(11) Грамматика славенская, соч. Мелетіемъ Смотрицкимъ. Изд. 1721, листъ в, на оборотѣ

тому времени дѣйствительно образованный, самъ любивший тогдашнюю книжность, по всей вѣроятности, не задумался спозаранку познакомить сына своего съ азбукою, скорѣе рукописною, потому что неизвѣстно, издавались ли до XVII в. азбуки печатныя. Съ азбуки, несомнѣнно выученной наизустъ отъ доски до доски, сынъ Бориса, по тогдашнему обыкновенію, перешелъ къ часословцу, а затѣмъ къ псалтирю, чтеніе котораго подчинялось слѣдующему указу или правилу, часто встрѣчающемуся въ древнихъ рукописныхъ экземплярахъ псалтиря: «Зри, внимай, разумѣй, разсмотряй, памятуй какъ псалтирь говорити. Первое, что говорити; второе, всяко слово договаривати; третье, на строкахъ ставитися; четвертое, умомъ разумѣти словеса что говорити; пятое, пословицы знати да и памятовати, какъ которое слово говорити: сверху слова ударити голосомъ, или прямо молвити, слово поставити» ([12]). Произойдя всю эту премудрость, или, другими словами, окончивъ курсъ *словеснаго ученія*, сынъ Бориса, никакъ не позже семи лѣтъ отъ роду, сѣлъ учиться писать, руководствомъ къ чему служили въ ту пору *скорописныя азбуки столбцомъ*, т. е. на свиткѣ изъ нѣсколькихъ склеенныхъ листковъ, азбуки, состоявшія изъ разукрашенныхъ вычурами *прописныхъ* и

([12]) Др. Быт. Цар. Рус. VII. 97.—См. Отеч. Зап. 1854. Дек.

строчныхъ буквъ, *прописей*, *складовъ*, наконецъ *изреченій* и *загадокъ*, въ родѣ слѣдующихъ: «Стоитъ городъ пустъ, а около его кустъ; идетъ старецъ, несетъ ставецъ, въ ставцѣ взваръ, въ взварѣ перецъ, въ перцѣ горечь, въ горечи сладость, въ сладости радость, въ радости смерть»; «человѣкъ Божій, бойся Бога, стоитъ смерть у порога, труба и коса ждетъ смертнаго часа, гдѣ колико не ликовать, а по смерти гроба не миновать»; «стоитъ древо, имѣетъ на себѣ красные цвѣты, а подъ древомъ корыто, а на древѣ сидитъ птица и щиплетъ со древа красные цвѣты, и мечетъ въ корыто; цвѣты со древа не умаляются, а корыто цвѣтовъ не наполнится. Древо глаголется свѣтъ міра сего, а вѣтвіе—родовѣ, а цвѣты—человѣцы, а корыто—земля, а птица—смерть....» ([13]). Замѣтимъ кстати, что въ рукахъ Ѳедора Борисовича былъ, конечно, экземпляръ такой азбуки, снабженный къ тому же *азбукою толковою*, т. е. разными пареченіями и апоѳегмами, которые располагались подъ каждою буквою по алфавиту, и были, напримѣръ, таковы: подъ буквою О: «Отврати лице твое отъ жены чужія и много съ нею не бесѣдуй»; подъ буквою Ш: «Шатанія и плясанія діавольскаго удаляйся; плясаніе бо уподобися смертному убійству»;

([13]) Тамъ же, стр. 101—102.

подъ буквою *Кси*: «Ксапоъ и филосовъ былъ, а у раба своего Есопа въ посрамленіи много находился», и т. д. Послѣ изученія письма, сынъ Бориса, какъ и всѣ сверстники его изъ знатныхъ, принялся за чтеніе апостольскихъ дѣяній, потомъ евангелія и 8-ми лѣтъ отъ роду сталъ учиться церковному пѣнію по октоиху или осьмогласнику. Въ этомъ возрастѣ Ѳедоръ Борисовичъ былъ уже на столько развитъ, что могъ принять личное участіе въ аудіенціи, данной 27 мая 1597 г. отцемъ его, въ собственномъ домѣ своемъ, послу императора, Рудольфа II, бургграфу Аврааму Донѣ. Вотъ что, между прочимъ, свидѣтельствуютъ акты объ этой аудіенціи: «А какъ цесаревъ посолъ съ приставы вшелъ въ сѣни, и середи сѣней встрѣтилъ посла Ѳедоръ Борисовичъ, а объявилъ его послу приставъ Иванъ Пащокинъ, а молвилъ: «Великаго государя, царя и великаго князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи самодержца и многихъ государствъ государя и обладателя, Его Царскаго Величества шурина, и слуги, и конюшего, боярина, и воеводы двороваго и содержателя великихъ государствъ царства Казанскаго и Астраханскаго Бориса Ѳедоровича сынъ, Ѳедоръ Борисовичъ встрѣчаетъ тебя, Великаго Государя Руделфа цесаря посла Аврама булграфа». И Ѳедоръ Борисовичъ далъ послу руку и спрашивалъ посла о здоровьѣ и шелъ съ посломъ

въ горницу». (14) Бургграфъ Дона, по данной ему росписи, тогда же вручилъ «Государя Бориса Ѳедоровича сыну Ѳедору Борисовичу» подарки отъ императора: «часы столчіе боевые, а придѣланъ на нихъ медвѣдь; попугаевъ четыре, да двѣ обезьяны», и представилъ ему собственно отъ себя: «саблю булатную, окована серебромъ, позолочену; четыре самопалы съѣзжихъ золочены, двои часы маленькіе боевые воротные» (15), за что, при отпускѣ Доны явлены ему отъ имени Ѳедора Борисовича: «кречетъ сѣръ, сорокъ соболей, сорокъ куницъ, лисица черна, 2 соболя живыхъ» (16).

Бургграфъ Дона уѣхалъ изъ Москвы въ августѣ 1597 г., а 7 января слѣдующаго 1598 г. не стало царя Ѳедора. Событіе такого рода, само по себѣ неважное, было на этотъ разъ весьма знаменательно, потому что Ѳедоръ умиралъ бездѣтнымъ и съ нимъ пресѣкался домъ Рюриковъ, болѣе 700 лѣтъ державствовавшій въ Россіи, гдѣ, слѣдовательно, сила династическихъ преданій была особенно могущественна. Это ясно сознавала даже удручаемая скорбью вдова Ѳедора, царица Ирина, не преми-

(14) Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Изд. 1852 г. Т. II. с 510—511.

(15) Тамъ же, с. 518—519

(16) Тамъ же, с. 621.

шувшая, при погребеніи тѣла мужчина, съ плачемъ и какъ бы съ раскаяніемъ восклицать къ народу: «Увы мнѣ, смиренной вдовицѣ, безъ чадъ оставшейся! мною бо нынѣ царскій корень вамъ конецъ пріятъ» (17). Но для семьи Годуновыхъ событіе смерти царя Оедора было знаменательнѣе чѣмъ для кого-нибудь,—и на 9-й день послѣ этой смерти, когда вдова Оедора, рѣшительно отказавшись отъ престола, удалилась въ Новодѣвичій монастырь и тамъ постриглась, съ именемъ Александры, сынъ Борисовъ услышалъ собственными ушами вопль народный: да здравствуетъ отецъ нашъ, Борисъ Оедоровичъ! да будетъ онъ преемникомъ матери нашей царицы!»

Сыну Борисову, конечно, не были тогда извѣстны, едва ли не позже возникшія подозрѣнія на отца его въ убійствѣ погибшаго въ Угличѣ царевича Дмитрія (1591), въ подмѣнѣ дѣвочкой сына, родившагося у царя Оедора (1592), наконецъ въ отравленіи этой самой дѣвочки, царевны Оеодосіи, умершей черезъ годъ,—и Оедоръ Борисовичъ, радуясь какъ ребенокъ кликамъ народнымъ, вѣроятно, какъ ребенокъ же, не могъ понять, почему такъ упорно отказывался отецъ его отъ предлагаемаго ему престола? А Борисъ, заключившись со всею семьею въ кельяхъ Новодѣвичьяго монастыря, подлѣ сестры,

(17) Ист. Гос. Рос. Т. X, прим. 374.

только плакалъ да молился и, повидимому, не хотѣлъ даже слышать о престолѣ. Тогда-то сынъ Борисовъ былъ очевидцемъ того, какъ патріархъ Іовъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, боярами, служилыми людьми и народомъ приходилъ въ Новодѣвичій монастырь упрашивать Бориса принять державу и, между прочимъ, говорилъ ему: «Сію царскую честь на тебя возлагаетъ Богъ и *на твои государевы дѣти*, яко по свойству сродственному царьскаго сѣмени богоизбранный цвѣтъ» ([18]); а вслѣдъ затѣмъ Ѳедоръ слышалъ въ семьѣ молву о томъ, какъ «по вся дни многажда святѣйши Іевъ патріархъ наединѣ съ государемъ Борисомъ Ѳедоровичемъ особь моляше со слѣзами и прещяше ему государю, дабы не ослушался повелѣнія Божія и утолилъ бы плачъ и рыданіе и вопль многонародный, и воспріялъ бы скипетродержаніе Россійскаго царьствія; Государь же Борисъ Ѳедоровичъ никакоже повинулся глаголемымъ, но всячески зелнымъ рыданіемъ отрицашеся» ([19]). Но отказъ Борисовъ не принимался желавшими видѣть бывшаго правителя царемъ настоящимъ, и 17 февраля, въ сороковой день по кончинѣ Ѳедора, состоялся земскій соборъ въ Мо-

---

([18]) Акты, собранные Археографическою Экспедиціею Импер. Академіи Наукъ, изд. 1836. Т. II, с. 21.

([19]) Тамъ же. с. 23.

скѣ, на которомъ положено было не хотѣть на престолъ никого кромѣ Бориса, при чемъ впервые офиціально обнародовалось имя сына Борисова въ слѣдующей формѣ: «Кто похочетъ мимо Государя нашего Бориса Оедоровича, и *сына его Государя нашего Оедора Борисовича*, и тѣхъ дѣтей, которыхъ ему Государю впредь Богъ дастъ, иного государя искати и хотѣти, или какое лихо кто похочетъ учинити и умышляти на государя Бориса Оедоровича и на государыню Марью Григорьевну, и на ихъ дѣтей на Оедора Борисовича и на Ксенію Борисовну.... и намъ..... извѣстити на того измѣнника..... и стояти на того государева измѣнника всею землею общею за единъ» ([20]). Зная или не зная о такомъ опредѣленіи, сынъ Борисовъ видѣлъ какъ земскій соборъ, сопровождаемый всенароднымъ множествомъ, снова пришелъ въ Новодѣвичій монастырь съ прежними мольбами къ Борису и снова выслушалъ отказъ Бориса, съ клятвою отрекшагося отъ престола и выславшаго отъ себя искупителей.

Затѣмъ, 21 февраля къ Новодѣвичьему монастырю въ глазахъ сына Борисова приблизился торжественный крестный ходъ съ пѣніемъ и иконами, на встрѣчу которому вынесли изъ монастыря мѣстные образа, а за ними вышелъ самъ Борисъ, палъ

([20]). Тамъ же, с. 17

ницъ передъ иконами, плакалъ, потомъ вмѣстѣ со всѣмъ соборомъ возвратился въ кельи царицы-инокини, гдѣ, послѣ многихъ рѣчей и слезъ, склался, наконецъ, на убѣжденія Іова и былъ торжественно благословленъ патріархомъ на царство. 26 февраля, новый царь, одинъ, безъ семьи, прибылъ въ Москву и получилъ вторичное благословеніе патріарха въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ, по этому случаю, пѣтъ благодарственный молебенъ, при чемъ впервые велегласно возносились молитвы «о благовѣрномъ царевичѣ князѣ Ѳедорѣ Борисовичѣ», а потомъ всѣ «отъ мала до велика» цѣловали всему поименно царскому семейству крестъ на томъ, чтобы «служити имъ, государямъ, вѣрою и правдою, безо всякія хитрости, и въ послушаніи быти ихъ государскихъ повелѣній во всемъ, и доброхотати имъ государемъ своимъ правдою, и головъ своихъ за ихъ государей не щадити съ ихъ государскими недрузми, и мимо ихъ государей своихъ иного государя не хотѣти и не искати, и не мыслить, ни думать ни которыми дѣлы, ни которою хитростію» ([21]). 9 марта состоялся новый земскій соборъ, на которомъ утверждена присутствовавшими избирательная грамота Бориса Годунова, а 15 марта патріархъ Іовъ отправилъ во всѣ концы Россіи окружное посланіе

([21]) Тамъ же, с. 15.

о трехдневномъ молебствіи по случаю восшествія на престолъ царя Бориса Ѳедоровича, съ приложеніемъ формъ эктеньи и многолѣтія, въ которыхъ Ѳедоръ Борисовичъ именовался то «благовѣрнымъ», то «благороднымъ» царевичемъ.

Самъ царевичъ продолжалъ, между тѣмъ, безвыѣздно пребывать съ матерью и сестрою у царицы тетки, въ стѣнахъ Новодѣвичьяго монастыря, куда возвратился и Борисъ, расположившійся провести здѣсь наступившій тогда великій постъ. Это намѣреніе царя было выполнено дѣйствительно и торжественный въѣздъ въ Москву совершился не ранѣе 30 апрѣля 1598 г. Съ зарею этого дня все населеніе Москвы столпилось у Каменнаго моста, гдѣ, близъ церкви Николы Зарайскаго, ожидалъ государя патріархъ, окруженный крестами, иконами, хоругвями, боярскимъ синклитомъ, чинами двора и приказовъ, служилыми людьми и тысячами гражданъ. Царь съ царицею и дѣтьми прибылъ сюда на великолѣпной колесницѣ, сойдя съ которой приложился тутъ ко кресту и иконамъ и тутъ же представилъ семью свою восхищенному народу, который кричалъ: «Вы наши государи, мы ваши подданные!» Девятилѣтній Ѳедоръ, глядя на отца, принималъ подносимую ему гражданами хлѣбъ-соль, но отказывался отъ даровъ —золота, серебра, жемчуга и, подобно старшей сестрѣ своей, старался обласкать

льнувшихъ къ нему москвичей и звалъ всѣхъ обѣдать къ царю. Отъ Каменнаго моста Борисъ съ семьею слѣдовалъ пѣшкомъ до самаго Успенскаго собора, гдѣ въ третій разъ былъ благословленъ патріархомъ на царство, отсюда, уже съ царскимъ крестомъ на груди, обходилъ всѣ церкви кремлевскія, послѣ чего, при неумолкаемыхъ кликахъ народа, держа за руку наслѣдника-сына, а другою ведя царевну-дочь, вступилъ съ царицею въ палаты царскія. «Въ сей день—говоритъ Карамзинъ—народъ обѣдалъ у царя: не знали числа гостямъ, но всѣ были званые, отъ патріарха до нищаго. Москва не видала такой роскоши и въ Іоанново время» (22). Такъ, слѣдовательно, сбылись слова, сказанныя царемъ Ѳедоромъ шурину своему, при случаѣ переложенія въ новую раку мощей св. Алексѣя митрополита: «Ослѣпи святыню, правитель народа христіанскаго, управляй имъ и впредь съ ревностію: *ты достигнешь желаемаго*»—и, судя по этому, долженствовало сбыться самое заключеніе этой пророческой рѣчи: «но все суета и мигъ на землѣ!»...(23)

Возвышеніе на степень царевича не измѣнило, въ сущности, ни одной изъ сторонъ прежняго быта сына Борисова. Возрастая среди царской роскоши

---

(22) Ист. Гос. Рос. XI. с. 9.

(23) Тамъ же X. с. 124.

дома родительскаго и почти въ глазахъ царя Ѳедора, женатаго на сестрѣ Борисовой, Ѳедоръ Борисовичъ уже давно привыкъ къ блестящей обстановкѣ и раболѣпному почтенію окружающихъ, и новымъ въ настоящемъ положеніи новаго русскаго царевича оказывалось только то, что отнынѣ имя его ставилось рядомъ съ именемъ царя во всѣхъ указахъ и грамотахъ, заголовокъ которыхъ началъ прописываться такъ: «Божіею милостію, мы Великій государь царь и великій князь Борисъ Ѳедоровичъ, всея Русіи самодержецъ, *и сынъ нашъ царевичъ князь Ѳедоръ Борисовичъ всея Русіи*». Самый распорядокъ домашней жизни сына Борисова, съ переселеніемъ въ царскій дворецъ, отстоявшій на нѣсколько саженей отъ прежняго дома Годуновыхъ, остался тотъ же, и только дядька 9-ти-лѣтняго Ѳедора, Пв. Ив. Чемодановъ, ставъ, благодаря должности своей, человѣкомъ важнымъ, почти государственнымъ, разомъ вознесся на неожиданную для него высоту. Съ этимъ то дядькою и нѣсколькими старыми боярами оставался царевичъ при матери въ Москвѣ, все то время, пока отецъ его, еще въ кельяхъ Новодѣвичьяго монастыря предувѣдомленный о готовящемся нашествіи крымцевъ, вздѣвъ на себя бранный доспѣхъ и золотой шеломъ, и окруженный подвластными ему царевичами: киргизскимъ, сибирскимъ, шемаханскимъ, хивинскимъ и астраханскимъ,

лично водилъ *полумиліона* конницы и пѣхоты на встрѣчу крымцевъ къ Серпухову, и тамъ, по новымъ вѣстямъ о приближеніи непріятеля, а пословъ крымскаго хана, цѣлыя шесть недѣль ежедневно угощалъ на серебрѣ по 10 тыс. воиновъ, а въ Петровъ день задалъ на берегахъ Оки пиръ пятистамъ тысячамъ народа всякаго званія. Послѣ торжественной встрѣчи, сдѣланной Москвою Борису, по возвращеніи его изъ блистательнаго серпуховскаго похода, царь и царевичъ 1-го августа скрѣпили, собственноручными подписями, избирательную грамоту 9-марта, тутъ же, по приговору избирателей положенную «въ хранила царскіе къ докончанным и утвержденнымъ грамотамъ»; а 1-го сентября, сынъ Борисовъ, присутствуя при царскомъ вѣнчаніи отца своего, былъ очевидцемъ случая, о которомъ знаменитый Авраамій Палицынъ повѣствуетъ такъ: «Вѣнчаему же Борису рукою святѣйшаго патріарха Іова, во время святыя литоргіи стоя подъ того рукою, не вѣмы, что ради, испусти отъ сицевъ гласъ зѣло высокъ: се, отче великій патріархъ Іовъ, Богъ свидѣтель сему нынѣ убо будетъ въ моемъ царствіи нищъ или бѣденъ; и тресн верхъ срачицы и сію послѣднюю, рече, раздѣлю со всѣми» ([24]). Наконецъ, 15 сентября, кор-

([24]) Сказаніе о осадѣ Троицкаго Сергіева монастыря отъ Поляковъ и Литвы, и о бывшихъ потомъ въ Россіи мятежахъ, Авр. Палицына. Изд. 1822 г. с. 7.

да уже вся Россія была приведена къ присягѣ на вѣрность новоизбранному царю и его семейству, состоялась такъ называемая *подкрестная запись*, гласившая, между прочимъ, слѣдующее: «Также мнѣ.... надъ государемъ своимъ царемъ.... и надъ царицею.... и надъ ихъ дѣтьми. .. въ ѣствѣ и въ питьѣ, ни въ платья ни въ пиемъ ни въ чемъ *лиха* никакого не учинити и не испортити и зелья *лихого* и коренья не давати, и не велѣти мнѣ никому зелья лихого и коренья давати..... да и людей своихъ съ вѣдовствомъ да и со всякимъ лихимъ зельемъ и съ кореньемъ не посылати и вѣдуновъ и вѣдуней не добывати на государьское царя и великаго князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи, и на царицыно, и на царевичево, и на царевнино, на всякое лихо. Также государя своего, царя и великаго князя Бориса Ѳедоровича всеа Русіи и его царицу, и ихъ дѣтей, на слѣду всякимъ вѣдовскимъ мечтаніемъ не испортити, ни вѣдовствомъ по вѣтру никакого лиха не насылати и слѣду не вымати ни которыми дѣлы, ни которою хитростью...» ([25])

Такъ началось государствованіе Борисово, полагаемое въ русской исторіи началомъ 15-ти-лѣтняго періода смутнаго времени.

Что касается семейства царскаго, оно, какъ мы

([25]) Авт. Арх. Экс. II. с. 58.

сказали, перешло изъ годуновскаго дома во дворецъ, гдѣ Борисъ, не пожелавъ, изъ уваженія къ памяти покойнаго предшественника своего, занять тотчасъ же жилые покои царя Ѳедора, устроился со всею семьею въ такъ называемой *Постельной избѣ* или *Княжинной половинѣ*, находившейся на мѣстѣ нынѣшняго Теремнаго дворца. Тутъ же, слѣдовательно, помѣстили и отрока царевича съ Чемодановымъ, вѣроятно, въ особыхъ покояхъ, понятіе о *хоромномъ нарядѣ* или внутреннемъ убранствѣ которыхъ, можно довольно вѣрно составить себѣ по тѣмъ даннымъ, какія добыты трудами добросовѣстнаго изслѣдователя русской старины, г. Забѣлина. На основаніи этихъ данныхъ, хоромный нарядъ царскихъ покоевъ XVI—XVII в., необходимо долженствовали составлять: потолки и стѣны, украшенные всѣ разноцвѣтными *въ шахматъ* суконными обоями или *бытейскимъ письмомъ*, т. е. изображеніемъ въ лицахъ (притчи) нѣкоторыхъ церковныхъ догматовъ; полъ, по тогдашнему *мостъ*, или косящатый, т. е. настланный досками въ *косякъ*, или мощеный расписнымъ *дубовымъ кирпичемъ*, т. е. дубовыми брусками; двери, обитыя червчатымъ сукномъ, съ луженными англійскимъ оловомъ *жиковинами*, т. е. петлями, *ухватными* скобами, *закладными* и *отпорными* крючками, кольцами съ *защелками* и проч.; прибором окна

слюдяныя или стекольныя съ обитыми сукномъ *вставнями*, въ родѣ рамъ, и желѣзными въ сѣтку, *образчатыми* или *репейчатыми оконницами;* наконецъ, печи *цыганныя* или *мраморныя*, т. е. изъ бѣлыхъ или зеленыхъ узорчатыхъ изразцовъ, круглыя или четыреугольныя, но непремѣнно на ножкахъ, съ колонками, карнизами и городками по верху. Къ отдѣлу тогдашней мебели, несомнѣнно въ покояхъ царевича находившейся, принадлежали: сплошныя, постѣнныя деревянныя лавки на *стамикахъ*, т. е. столбикахъ, или на *рундукахъ*, т. е. небольшихъ шкафчикахъ съ затворками, обитыя разноцвѣтными суконными *полавочниками; передвижныя скамьи* съ *перемотомъ*, т. е. спинкою; *стольцы*, т. е. табуреты съ квадратнымъ сѣдалищемъ; дубовые или липовые, крашеные столы на точеныхъ ногахъ, покрытые обыкновенно червчатымъ или зеленымъ сукномъ, а въ праздничные дни золотными и аксамитными коврами или бархатными и алтабасными *подскатертниками; поставцы* для платья, посуды и книгъ рѣзные липовые; книгохранительницы, иногда раскрашенные *зеленымъ испидомъ*, т. е. подъ мраморъ; такіе же *шкафы* или *скрыни* съ выдвижными ящиками для разныхъ туалетныхъ принадлежностей, напр. *зеркалъ*, еще неповѣщаемыхъ тогда на стѣнахъ, а хранимыхъ вмѣстѣ съ гребешками въ особыхъ футлярахъ. Въ опочивальнѣ, всегда со-

общавшейся чрезъ сѣнцы съ мыленкой и щеголявшей развѣшенными по стѣнамъ *парсунами*, т. е. портретами и *фряжскими листами*, т. е. эстампами религіознаго содержанія, обыкновенно безъ рамъ и стеколъ, приготовлялась кровать царевичу, которою, по тогдашнему обычаю, служила одна изъ постѣнныхъ лавокъ съ приставленною къ ней скамьею и положенною на нихъ *постелью*, состоявшею изъ бархатнаго или кармазиннаго лебяжьяго пуховичка, шелковой простыни, двухъ изголовій съ нѣсколькими подушками, тѣ и другія въ атласныхъ, окаймленныхъ жемчугомъ наволокахъ, и лисьяго одѣяла, крытаго золотною матерією съ серебряными *гривами*, т. е. каймами ([26]).

Обставленный, такимъ образомъ, сынъ Борисовъ могъ, конечно, утопать въ роскоши, потому что богатства тогдашняго московскаго двора были неисчислимы и изумляли всѣхъ безъ исключенія иноземцевъ-современниковъ. «Я видѣлъ въ казнѣ—пишетъ одинъ изъ нихъ,—съ полдюжины серебряныхъ бочекъ, слитыхъ, по приказанію Іоанна Васильевича, изъ серебряной посуды, взятой имъ въ покоренной Ливоніи; одна изъ сихъ бочекъ величиною почти съ полмю (около 8 ведеръ), и другія менѣе; множество серебряныхъ тазовъ, весьма огром-

([26]) Древ. Быт. Цар. Рус. И. Забѣлина. Статья II.—См. Отеч. Зап. 1851 г., сент.

ныхъ, съ ручкою на каждой сторонѣ; наполнивъ медомъ, ихъ приносятъ обыкновенно четыре человѣка и ставятъ на каждый обѣденный столъ по 3 или по 4; при каждомъ находятся большіе серебряные ковши для черпанія напитка: иначе было бы недостаточно 200 или 300 служителей для угощенія сидящихъ за царскими столами. Вся эта посуда русской работы. Кромѣ того, есть множество серебряной утвари нѣмецкой, англійской, польской, поднесенной царю иноземными послами, или купленной за рѣдкость издѣлія. Казна изобилуетъ всякими шелковыми матеріями, золотою и серебряною парчею, персидскою, турецкою, всякаго рода бархатомъ, атласомъ, камкою, тафтою и другими шелковыми тканями» (27). Однако, среди всего этого, сынъ Борисовъ, любимый отцомъ, какъ извѣстно, до слабости, не только не прерывалъ учебныхъ занятій своихъ, памятникомъ которыхъ осталась карта Россіи, собственноручно очерченная имъ, вѣроятно съ карты временъ Грознаго (28), но съ самаго начала царствованія Борисова посто-

(27) Состояніе Россійской Державы въ началѣ XVII в. Соч. Маржерета, капитана гвардіи Дмитрія Самозванца. Изд. 1830 г. с. 44—45.

(28) Старинная русская картографія, В. Ламанскаго.—См. Вѣстникъ Импер. Географическаго Общества. 1859. № 10, отд V. 12.

нно присутствовалъ при всѣхъ торжественныхъ случаяхъ дворскаго обихода, даже получалъ на свое имя граматы отъ иностранныхъ владѣтельныхъ лицъ. Такъ, въ 1599 г., въ день пріемной аудіенціи шьедскому принцу Густаву, приглашенному въ Россію для брака съ царевною Ксенією, который не состоялся, 10-ти лѣтній царевичъ, блиставшій пышною одеждой, сидѣлъ въ граповитой палатѣ на тронѣ подлѣ царя и, такъ же какъ царь, далъ цѣловать руку свою Густаву; а въ самомъ началѣ 1600 г., царевичъ получилъ особую грамату отъ эрцгерцога австрійскаго Максимиліана, который, отвѣчая на извѣщеніе о воцареніи Борисовомъ, заключалъ посланіе свое къ царевичу такъ: «И желаемъ Вашей любви, также и Вашей любви Государю отцу къ такой великой отъ Бога данной власти и къ величеству счастье, Божію благодать и счастливое пребыванье Вашей любви отцу и вамъ навѣки и наслѣдникомъ вашимъ и землямъ и къ разширенью царствъ вашихъ и ко всей хрестьянской прибыли. Да бьемъ челомъ Вашей любви на вашемъ навѣщаньѣ и ласкѣ и жалованьѣ, на поминкахъ; а мы противъ того Вашей любви всею любовью, по своей мочи, учну воздавати, и на то бъ Ваша любовь къ намъ одиолично надѣялись. И приказуемся вамъ въ вѣрной неподвижимой любви въ вѣки» ([23]). Этотъ же

([23]) Пам. Дипл. Сношн. II. 656.

Максимиліанъ, по донесенію ѣздившаго посломъ къ императору Рудольфу II думнаго дьяка Власьева, на церемоніальномъ обѣдѣ «Государя царевича, князя Ѳедора Борисовича всеа Русіи пилъ чашу и подавалъ сидя (тогда какъ Борисову *стоя*), а говорилъ: «дай Господи, здоровъ былъ и счастенъ Царевичъ, князь Ѳедоръ Борисовичъ на многіе лѣта, а съ нами бъ былъ въ ссылкѣ и любви» (30). Впрочемъ, участіе царевича въ дѣлахъ не ограничивалось однимъ безмолвнымъ и заочнымъ значеніемъ, потому что Борисъ, желая привязать къ сыну сердца, нерѣдко ждалъ слова его для оказанія милости, и въ 1600 г., по предстательству царевича, даже заключилъ перемиріе съ Литвою на 20 лѣтъ, чего никакъ не достигалъ путемъ переговоровъ посолъ короля Сигизмунда, Левъ Сапѣга. Въ благодарность за такую услугу, царевичу были представлены членами посольства Сигизмундова, отъ каждаго особо, дары; а именно: *Отъ канцлера великаго княжества Литовскаго, Льва Ивановича Сапѣги:* золотой корабль (корабликъ), украшенный жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; два серебряные позолоченные кубка; прекрасно откормленный жеребецъ каштановатый; *Отъ варшавскаго каштеляна Станислава Вар-*

(30) Тамъ же, 744.

щицкаго: большой серебряный кубокъ съ позолоченою крышкою, и въ немъ 500 червонцевъ; перламутровый кубокъ, осыпанный бриліантами; гнѣдая италіанская лошадь — *Дзянетъ*; сивая лошадь турецкая, съ длинною гривою, съ бархатнымъ, краснаго цвѣта сѣдломъ, оправленнымъ въ серебро; стремена серебряныя позолоченныя; узда серебряная позолоченная, и такая же при ней цѣпь или поводъ. *Отъ секретаря посольства Ильи Ильгржимовскаго*—серебряный позолоченный кувшинъ съ такою же умывальницею; турецкая лошадь, сивая волошская въ яблокахъ. *Отъ оршанскаго земскаго судьи Андрея Воропая:* турецкая бѣлоногая лысая лошадь. *Отъ витебскаго воеводы Ивана Николаевича Сапѣги:* бѣлый кубокъ, оправленный въ серебро съ позолотою; серебряный кубокъ въ видѣ купидона или бѣлаго человѣка съ крыльями и лукомъ; два ручные пистолета; сабля съ серебряною рукояткою, украшенною жемчугомъ и разными дорогими камнями. *Отъ старосты усвятскаго князя Ярослава Друцкаго-Соколинскаго* — турецкій каштановый жеребецъ. *Отъ Николая Франкевича:* кубокъ и два серебряные, позолоченные бокала, одинъ большій, другой меньшій; турецкій гнѣдой жеребецъ. *Отъ Петра Дунина:* сивая цекельская лошадь; сабля въ серебряной оправѣ. *Отъ Ивана Борщака:* одинъ кубокъ въ видѣ кисти виноградной;

другой—на подобіе яблока. *Отъ Ивана Пасека*: вороной бѣлогородскій жеребецъ съ гусарскимъ сѣдломъ, на немъ узоры серебряные, и у сѣдла—мечъ съ серебрянымъ ефесомъ (31).

До-сихъ-поръ, т. е. до 1601 г., царствованіе Бориса и занятія сына его текли мирно, не смущаясь ничемъ особенно непріятнымъ, если не считать такимъ разлада между царемъ и женихомъ Ксеніи, принцемъ Густавомъ, который, не согласившись принять православія, тѣмъ самымъ разстроилъ свою свадьбу. Но 1601 г., начавшійся опалою друга Борисова и свойственника жены его, Бѣльскаго, а потомъ ссылкою всѣхъ безъ исключенія Романовыхъ съ ихъ разнофамильными родичами, ознаменовался страшнымъ бѣдствіемъ—голодомъ, постигнувшимъ, осенью, всю Россію. И въ то самое время, когда англійская королева Елизавета письменно изъявляла царю сожалѣніе, что родственница ея, графиня Дерби, не годится, по несходству лѣтъ, въ невѣсты царевичу (ей было 18 л., а царевичу 13) и старалась завѣрить Бориса, что «съ радостію отдала бы за Борисова сына не только родственницу, но и собственную дочь, еслибы имѣла ее» (32)—въ

(31) Описаніе посольства Льва Сапѣги въ Москву, въ 1600 г. — См. Журн. Мин. Нар. Просв. 1850 Дек. Отд. II. с. 104—108.

(32) Ист. Гос. Рос. XI. прим. 104.

Москвѣ, гдѣ пребывалъ царевичъ, уже находили «людей, которые, валяясь на улицахъ, лѣтомъ щипали траву, подобно скотамъ, а зимою ѣли сѣно» (33) уже видѣли бѣдную, истомленную голодомъ женщину, которая, проходя по улицѣ, схватила зубами собственное дитя, бывшее у нея на рукахъ, оторвала изъ рученки два куска, сѣла на дорогѣ и начала жрать ихъ» (34). Сцены такого рода неограничивались одною Москвою: «Вездѣ, говоритъ Беръ, отцы и матери душили, рѣзали и варили своихъ дѣтей; дѣти своихъ родителей, хозяева гостей; мясо человѣческое, мелко изрубленное, продавалось на рынкахъ за говяжье, въ пирогахъ; путешественники страшились останавливаться въ гостинницахъ» (35). Напрасно повелѣвалъ Борисъ «дѣлать каменное дѣло многое, *чтобы людямъ питаться*, и сдѣлаше каменныя палаты большія на изрубѣ, гдѣ были царя Іоанна хоромы» (36): бѣдствіе, ни сколько не ослабѣвая, усилилось въ 1602 г. моромъ, который въ одной Москвѣ похи-

---

(33) Лѣтопись Московская, съ 1584 по 1612 г., Мартина Бера.—См. Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ. Изд. 1831 г. ч. I. с. 38.

(34) Тамъ же, прим. 39.

(35) Тамъ же, с. 33.

(36) Лѣтопись о многихъ мятежахъ и т. д. Изд. 1788 г. с. 64.

тилъ до 127 тыс. жертвъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и братъ датскаго короля Христіана IV, герцогъ Іоаннъ, второй женихъ царевны Ксеніи, исторія пребыванія котораго въ Россіи заключалась въ слѣдующемъ. 28 Сент. 1602 г., герцогъ Іоаннъ, вызванный къ московскому двору самимъ Борисомъ, былъ впервые принятъ на торжественной аудіенціи въ грановитой палатѣ, гдѣ царь и царевичъ ласково встрѣтили гостя, обняли его, сѣли съ нимъ рядомъ и долго бесѣдовали, а за пышнымъ обѣдомъ сняли съ себя и подарили ему алмазныя цѣпи свои, словомъ, сразу дали понять окружающимъ, что видятъ въ герцогѣ будущаго семьянина. Чрезъ нѣсколько дней, царь и семейство его, оставивъ герцога въ Москвѣ, отправились торжественнымъ поѣздомъ на богомолье въ Троице - Сергіевъ монастырь, при чемъ *висячая*, въ родѣ нѣмецкихъ, карета царевича, обитая бархатомъ, запряженная въ шесть лошадей и окруженная всадниками, слѣдовала передъ каретой государевой пустая, а самъ царевичъ ѣхалъ на конѣ, котораго вели подъ уздцы патные чиновники. 16 октября, на возвратномъ пути изъ монастыря, царская семья неожиданно узнала о болѣзни герцога; 19 окт. посѣтилъ больнаго царевичъ, 27—царь, а къ вечеру 28 окт. женихъ Ксеніи уже не существовалъ,—въ чемъ иные, тогда же, если не позже, стали бездоказательно

обвинять самого Бориса, который, будто-бы «нача мыслити, что по смерти моей не посадять сына моего на царство, начать королевича не любити, и не пущать дочери своей, и повелѣ Семену Годунову, какъ бы надъ нимъ промыслити» (37).

Какъ бы то ни было, смерть герцога, успѣвшаго въ короткое время до того привязать къ себѣ русскихъ, что они «любяху его зельно всею землею», поразила тяжкимъ ударомъ всю царскую семью и была едва ли не первымъ горемъ, которое истинно и сознательно довелось испытывать 14-ти-лѣтнему царевичу. Въ самомъ дѣлѣ, не относясь непосредственно ни къ бѣдствію голода, томившаго тогда Россію, не разумѣя и мрачныхъ подозрѣній, уже тревожившихъ душу царя, царевичъ зналъ до сихъ поръ одно радости, не имѣлъ и теперь никакой причины особенно сокрушаться разбоями Хлопки, неистовствовавшаго въ окрестностяхъ самой Москвы, наконецъ вовсе ничего не вѣдалъ о монахѣ-бродягѣ, который прошелъ уже за польскій рубежъ, оставивъ пріютившему его на ночлегъ архимандриту спасскаго новгородсѣверскаго монастыря записку такого содержанія: «Я царевичъ Димитрій, сынъ Іоанновъ, и не забуду твоей ласки, когда сяду на престолъ отца моего» (38).

(37) Тамъ же, с. 67.
(38) Ист. Гос. Рос. XI. 74.

Оплакавъ потерю милаго герцога, царевичъ по прежнему принялся за науку или, вѣрнѣе, книжность, которой любилъ преимущественно посвящать свободное время свое и, какъ ребенокъ, скоро забылъ недавнее горе. Забвеніе это послѣдовало, можетъ быть, еще скорѣе, если въ руки царевича попала тогда какимъ нибудь случаемъ «Книга, глаголемая Космографія, сложена отъ древнихъ философовъ и переведена съ римскаго языка на славянскій»—книга, какъ разъ въ ту пору явившаяся на Руси въ рукописи и предлагавшая любознательному читателю цѣлый рядъ такихъ, напр., свѣдѣній: «О *островѣ Британскомъ:* острови Британскія нынѣ же царицается королевство англинское и шкоцкое, вѣра жъ въ нихъ была прежде благочестивая и крещены отъ царя Константина, нынѣжъ въ нихъ сресь лютерская и евангелицкая, войны жъ у тѣхъ королевствъ ни съ кѣмъ не бываетъ, потому что они одни на островахъ жительствуютъ, и въ долготу земля ихъ толико пятьсотъ верстъ. Градыжъ каменные имѣютъ, и села многолюдные и много въ нихъ людей купеческихъ, а воинскихъ мало, человѣцыжъ въ нихъ мудры и смышлены и къ лѣчбамъ докторовати; изобилножъ овощемъ и виномъ, и скотомъ, и рыбою, а лежитъ же въ сей части Европіи; *о островахъ восточныхъ.* Первый островъ Макарицкій близъ бла-

женнаго рая, потому же его близъ глаголютъ, яко оттуду залетаютъ райскія птицы, гамаунъ и фіниксъ и благоуханіе износятъ чудное, *Овосточномъ же островѣ гдѣ живутъ васіліски.* Вторый островъ подъ востокомъ же солнца; на немъ же живутъ васіліски; власы и лице имѣютъ дѣвиче и по поясъ яко человѣки, а отъ пупа хоботъ зміевъ, крылатые» ([39]) и т. д. въ томъ же родѣ. Но читалъ или не читалъ царевичъ космографію, мысль о будущей судьбѣ его не покидала царя — и политическія сношенія Бориса съ Елизаветою прямо касались тогда пріисканія царевичу невѣсты въ Англіи. Елизавета уже сообщила Борису, что имѣетъ въ виду знатную англичанку, прелестную дѣвочку лѣтъ 11, и вызывалась немедленно прислать въ Москву портретъ ея, вмѣстѣ съ портретами другихъ лондонскихъ аристократокъ - красавицъ, а Борисъ уже вывѣдывалъ, кто такая эта дѣвочка и родня ли она королевѣ, причемъ хитро давалъ замѣтить, что многіе великіе государи ищутъ родственнаго союза съ Россіею. Но дѣло по сватовству царевича не состоялось за смертію Елизаветы (апр. 1603), а вскорѣ послѣ т го царевичъ испыталъ вторую, сознательно горестную для него по-

---

([39]) Врем нникъ Импер Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. 1853. № 6.—Сынъ Отечества 1851. Мартъ.

терю: осенью 1603 г. умерла въ Москвѣ сестра Бориса и вдова царя Ѳедора, царица-инокиня Александра.

Надѣвъ по этому случаю *смирное* платье, т. е. трауръ (40), царевичъ, почти въ то же время, понялъ изъ молвы окружающихъ, что какой-то монахъ-бродяга выдаетъ себя Польшѣ за царевича Дмитрія. Первоначально, такая молва не обратила на себя особеннаго вниманія царевича, потому что въ отзывахъ отца о томъ же предметѣ царевичъ находилъ одно пренебреженіе къ затѣямъ монаха-бродяги и, конечно, не могъ знать, что Борисъ, тая дѣйствительную опасность единственно отъ семьи своей, самъ, по прочтеніи нѣкоторыхъ писемъ, перехваченныхъ въ январѣ 1604 г., «ужасенъ бысть». Однако, когда въ томъ же январѣ 1604 г., внучатный братъ царя, окольничій Ст. Ст. Годуновъ былъ на дорогѣ къ Астрахани ограбленъ шайкою казаковъ, поднятыхъ съ Дона призывною граматою бродяги-монаха, а вслѣдъ за тѣмъ воеводы украинныхъ городовъ донесли Борису о появленіи въ ихъ округахъ возмутительныхъ граматъ того же бродяги— настоящее положеніе дѣла объяснилось царевичу очевидно. Впрочемъ, царь не терялъ еще

(40) Изъ актовъ того времени видно, что царская семья не снимала траура по царицѣ-инокинѣ даже въ маѣ 1604 г. См. Пам. Дипл. Снош. II. 81.

надежды на приспѣшную вѣрность подданныхъ и, отправляя, въ маѣ 1604 г., ближняго дворянина Татищева въ Грузію, для утвержденія этой страны въ русскомъ подданствѣ, возложилъ, между прочимъ, на Татищева *смотрины* дочери владѣтеля картлинскаго Юрія, княжны Елены, предназначаемой Борисомъ въ невѣсты сыну, который, зная о такомъ порученіи Татищеву, конечно, еще болѣе удостовѣрялся въ несокрушимомъ могуществѣ отца.

Между тѣмъ монахъ-бродяга, признанный за царевича Дмитрія и польскимъ королемъ Сигизмундомъ, и папою Климентомъ VIII, уже сговорилъ за себя дочь сендомірскаго воеводы Марину Мнишекъ, которой, въ маѣ 1604 г., записалъ Новгородъ и Псковъ, а отцу ея, въ іюнѣ, Смоленскъ, и собирая около себя великій сбродъ, намѣревался вторгнуться въ русскіе предѣлы. Хуже всего было то, что главное зерно этого сброда составляли казаки, явившіеся съ атаманами своими Корелою и Нѣжакожемъ къ Самозванцу въ Краковъ, о чемъ лѣтописецъ повѣствуетъ такъ: «И увѣдаша про него (Самозванца) такіежъ воры собаки донскія козаки, и послаша къ нему з Дону атамана Корелу, с нимъ же послаша к нему козаковъ и дары многія, и биша ему челомъ, чтобы онъ не замѣшкалъ, шолъ въ московское государство, а онѣ ему всѣ рады; тѣже обоянные поляки и досталь видяше отъ Москов-

скаго государства пришёздъ, и ему наипаче начаше помогати. Тѣмъ же козакомъ отъ царя Бориса было гоненіе веліе, не пущалъ ихъ ни на который городъ, куда они не придутъ, ихъ вездѣ имаше и по темницамъ сажаху, а они же поидоша к нему ныое и неволею, не имѣюще себѣ пристанища нигдѣ» (41). Извѣстясь объ этомъ, Борисъ велѣлъ Салтыкову и Шереметеву идти съ войсками къ г. Ливнамъ, а для увѣщанія козаковъ послалъ на Донъ думнаго дворянина Хрущова, который, будучи схваченъ козаками и въ оковахъ представленъ Самозванцу, палъ къ ногамъ послѣдняго и со слезами воскликнулъ: «Вижу Іоанна въ лицѣ твоемъ: я твой слуга навѣки!» (42) Отъ Хрущова тутъ же были отобраны показанія о положеніи дѣлъ въ Москвѣ и, между прочимъ, «о сынѣ Борисовомъ спрашивалъ царевичъ (Самозванецъ), хочетъ ли Борисъ его наслѣдникомъ учинить? отвѣчалъ (Хрущовъ):» еще не объявилъ, однакожъ знать, что намѣренъ, понеже ко всѣмъ важнымъ дѣламъ его употребляетъ, при себѣ всегда содержитъ и такъ людей къ нему привлекаетъ, что о чемъ кто сына его проситъ, безъ затрудненія получаетъ» (43). Допросъ Хрущову про-

(41) Русская Лѣтопись по Никонову списку. Изд. 1762 — 1792. ч VII. с. 59

(42) Ист. Гос. Рос. XI. 84.

(43) Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ. Изд. 1813.—т. II. с. 174.

изводился во второй половинѣ августа, а 16 октября Самозванецъ, съ 1500 козаковъ и шляхты, ступилъ на русскую землю, 18-го принялъ хлѣбъ-соль отъ жителей м. Моравска; 26-го кн. Андр. Татевъ безъ боя отворилъ Самозванцу ворота Чернигова; 18-го ноября кн. Вас. Рубецъ-Мосальскій предалъ ему крѣпкій Путивль, гдѣ связалъ товарища своего Салтыкова, и вскорѣ Самозванецъ властвовалъ уже до самаго Ельца, получивъ отпоръ только въ Новгородсѣверскѣ, гдѣ доблестно противостали ему кн. Никита Трубецкой и Петръ Басмановъ.

Такой неслыханный успѣхъ человѣка, слывшаго неболѣе какъ бѣглымъ дьякономъ Григоріемъ Отрепьевымъ, конечно доказывалъ несомнѣнно, что самъ по себѣ человѣкъ этотъ дѣйствовать не могъ,—и Борисъ «сказавъ князьямъ и Боярамъ въ глаза, что это было ихъ дѣло (въ чемъ и не ошибся), что они измѣнами и крамолами стараются свергнуть его съ престола,» издалъ отъ имени своего и царевичева указъ, которымъ Самозванецъ предавался церковной анаѳемѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «сей злохищный *львичище* сольсти короля *Лятскаго* и Литовскаго... хотя похитити царство московское и православное христіанское. Вѣру истребити, а ввести проклятую папежскую, его же повелѣхомъ всюду въ церквахъ святыхъ и по торжищамъ клясти (44).»

(44) Тамъ же, с. 164.

Все это, однако, до того сокрушительно подѣйствовало на царя, что его тогда же ударилъ параличъ, вслѣдствіе котораго Борисъ сталъ припадать на одну ногу и, терзаемый душевными страданіями, исхудалъ, пожелтѣлъ, словомъ быстро состарѣлся, едва сохранивъ остатки прежней красоты. Видя подобную перемѣну въ отцѣ своемъ, 16-ти-лѣтній Ѳедоръ Борисовичъ, какъ сынъ — и сынъ нѣжный — конечно, не могъ оставаться къ ней равнодушнымъ, и не могъ, какъ царевичъ, не смущаться постояннымъ возрастаніемъ силъ, а съ ними и удачъ Самозванца, донесенія о которыхъ получались одно за другимъ. Такъ царевичъ свѣдалъ вмѣстѣ со всею Москвою, что 21 дек. 1604 г. 12-ти тысячный сбродъ Самозванца поразилъ подъ Новгородсѣверскимъ 50-ти-тысячное царское войско, у котораго, по выраженію очевидца «какъ будто не было рукъ для сѣчи» ([45]); потомъ узналъ, что къ Самозванцу прибыло 12-тыс. донскихъ казаковъ, съ которыми онъ засѣлъ въ Сѣвскѣ; потомъ прискакалъ въ Москву чашникъ Шеинъ, съ радостнымъ для царя извѣстіемъ, что въ новомъ бою у Добрыничей, 21 янв. 1605 г., Самозванецъ разбитъ и убитъ; затѣмъ извѣстіе это смѣнилось другимъ, что Самозванецъ, бѣжавшій съ Добрыническаго поля битвы, живъ, здоровъ и

([45]) О состояніи Россіи и проч. Маржерета. с. 79.

находится въ Путивлѣ; наконецъ, съ театра войны не стало получаться никакихъ донесеній, кромѣ одного и того же, что царскіе воеводы обступили всѣми силами г. Кромы, гдѣ заперся атаманъ Корела всего съ 600 донцевъ, и стоятъ тутъ неподвижно, «занимаясь—добавляетъ очевидецъ — дѣлами достойными одного смѣха» (46).

Какъ ни было худо такое положеніе дѣлъ, но, въ отношеніи къ царю и семьѣ его, оно ухудшилось еще болѣе несвоевременною выходкою самого Бориса, который, негодуя на воеводъ, — конечно, справедливо—за упускъ разбитаго подъ Добрыничами Самозванца, послалъ всему войску *гнѣвное слово*; вслѣдствіе чего «въ ратн, говоритъ лѣтописецъ, стало мнѣніе и ужасть отъ царя Бориса, съ тоежь поры многія начаша думати, какъ бы царя Бориса избыти, а тому окаянному служити Гришкѣ.» Ставъ, такимъ образомъ во враждебныя отношенія съ двумя необходимѣйшими ему сословіями, царь уже не успѣлъ поправить дѣла. 13 Апр. 1605 г., за обѣдомъ въ золотой палатѣ, гдѣ угощались тогда датскіе послы, пріѣхавшіе договариваться о бракѣ царевны Ксеніи съ однимъ изъ шлезвигскихъ принцевъ, царь Борисъ вдругъ почувствовалъ себя дурно, и легъ на лавку, обливаясь кровью, хлы-

(46) Тамъ же, с. 82.

пувшею у него носомъ, ртомъ и ушами Призванные на помощь царскіе врачи—венгерецъ Ритлеперъ, любчанинъ Васмеръ и Шредеръ, пруссакъ Фидлеръ,—оказались безсильными унять необъяснимое для нихъ кровеизліяніе своего пацієнта, и въ недоумѣніи стояли надъ царемъ, который, слабѣя съ каждою минутою, велѣлъ призвать къ себѣ жену, дочь, духовника, архіереевъ. Золотая палата, за полчаса до того служившая храминой пира, превратилась въ обитель плача, съ которымъ семейство, приближенные и духовенство окружали царя, лежавшаго почти за-мертво. Однако Борисъ не терялъ еще памяти, но, чувствуя, что все для него кончено, поспѣшилъ благословить на царство сына своего царевича Ѳедора, простился съ женою и дочерью, потребовалъ себѣ постриженія, принялъ его съ именемъ Боголѣпа, и черезъ два часа по окончаніи пира, скончался въ той же золотой палатѣ.

Слѣдовательно, бывшій царевичъ становился отнынѣ царемъ и самодержцемъ «всеа Руссіи», хотя, въ сущности, титулъ этотъ былъ въ настоящемъ случаѣ не совсѣмъ точенъ, потому что значительная часть тогдашней «всеа Руссіи», признавая Самозванца царевичемъ Дмитріемъ, т. е. сыномъ и наслѣдникомъ царя Грознаго, понимала сына Борисова не иначе, какъ сыномъ престолохищника, подлежащимъ

непремѣнному низложенію, даже смерти. Но самъ Ѳедоръ Борисовичъ справедливо разумѣлъ достоинство царское принадлежавшимъ ему по праву, видѣлъ въ престолѣ, преемственно переходившемъ къ нему отъ отца, прямое, законное наслѣдіе свое, и потому, садясь на этотъ престолъ, требовалъ себѣ присяги отъ всѣхъ безъ исключенія подданныхъ Бориса, даже писалъ къ воеводамъ отдаленныхъ городовъ: «а тогобъ есте берегли накрѣпко, чтобъ у насъ всякіе люди намъ крестъ целовали, а не былъ бы ни одинъ человѣкъ, которой бы намъ креста не целовалъ» (47). Въ самой Москвѣ, бывшей свидѣтельницею торжественнаго погребенія тѣла Борисова въ Архангельскомъ соборѣ, присяга преемнику Борисову совершилась безъ особыхъ затрудненій, но съ нѣкоторыми прибавленіями къ обычной формѣ этого акта. Такъ, присягая всѣмъ поименно членамъ семьи царской, исчисленіе которыхъ начиналось съ царицы Марьи Григорьевны, нешмѣвшей, однако, никакой государственной опеки надъ царемъ-сыномъ, москвичи должны были клятвенно обѣщать «Семіона Бекбулатова и иного никого на Московское государство не хотѣти, и съ нимъ не знаться и не дружиться, и не ссылаться грамотками и словомъ къ нему ни на какое лихо не при-

(47) Собр. Гос. Грам и Дог. II. 188.

казывати и *къ вору, который называется Княземъ Дмитріемъ* Углецкимъ не приставати..... и того вора на Московскомъ государствѣ видѣти не хотѣти», и проч. ([48]). Стало быть, новое правительство открыто боялось не только Самозванца, грозившагося быть въ Москвѣ «какъ на деревѣ станетъ листъ разметываться» ([49]), но даже титулярнаго царя казанскаго Симеона Бекбулатовича, стар го слѣпца, мирно проживавшаго въ Твери. Кромѣ того, не довѣряя главнымъ вождямъ силъ, безплодно облегавшихъ Кромы, новое правительство поспѣшило отозвать въ Москву кн. Мстиславскаго и двухъ князей Шуйскихъ, будто бы необходимыхъ для присутствія въ царской думѣ, а предводительствовать войсками отправило ничтожнаго кн. Катырева-Ростовскаго и доблестнаго Басманова, которому условія мѣстничества не позволяли быть старшимъ военачальникомъ. Отпуская новыхъ воеводъ и съ ними новгородскаго митрополита Исидора, назначеннаго для приведенія къ присягѣ войска, Ѳедоръ вручилъ имъ граматы, въ которыхъ обѣщались воинамъ безпримѣрныя награды послѣ сорочинъ Борисовыхъ, а герою Новгородсѣверска сказалъ, въ присутствіи матери своей: «служи

([48]) Тамъ же, 192.

([49]) Акты Историческіе, собранные и изданные Археографическою Коммиссіею. Изд. 1841 т. II. с. 67.

намъ, какъ ты служилъ отцу моему!» Тогда же былъ отправленъ нарочный гонецъ за кн. Бѣльскимъ, сосланнымъ при Борисѣ.

Такъ началъ правленіе свое 16-ти-лѣтній Ѳедоръ, о которомъ современные хронографы свидѣтельствуютъ, что онъ «аще бо и юнъ сый лѣтными числы, но смысломъ и разумомъ многихъ превыде сѣдинами совершенныхъ; бѣ бо зѣло изученъ премудрости и всякаго философскаго естествепнословія, и о благочестіи присно упражняяся; злобы жъ и мерзости и всякаго нечестія отнюдь ненавистенъ бысть; тѣлесною же добротою возраста и зрака благолѣпною красотою акп кринъ въ терніи паче всѣхъ блисташеся» ([50]). Къ этимъ достоинствамъ Ѳедоръ присоединялъ достаточныя свѣдѣнія въ строѣ и распорядкѣ дѣлъ государственныхъ, съ дѣтства не чуждыхъ сыну Борисову, и, при другихъ обстоятельствахъ, былъ бы, конечно, царемъ не дюжиннымъ, т. е., выражаясь словами хронографовъ: «аще бы не тартарный мразъ цвѣтъ благородія его раздробилъ, то мнѣлъ бы убо быти того плоду чудесну въ добрѣ всячественномъ» ([51]). Не предвидя однако всей близости этого «тартарнаго мраза», царь-юноша, полный упованія на доблесть Басма-

([50]) Подробная Лѣтопись отъ начала Россіи до полтавской баталіи. Изд. 1799. ч III. с. 163.

([51]) Тамъ же.

нова, ждалъ вѣстей о конечномъ сокрушеніи Самозванца и въ такомъ ожиданіи проводилъ дни сообразно царскому быту того времени, т. е.: вставалъ часа въ 4 утра; *убирался* постельничимъ и стряпчими; умывшись, выходилъ въ крестовую палату, гдѣ, по осѣненіи крестомъ отъ духовника, присутствовалъ при совершеніи послѣднимъ утренней молитвы, окроплялся святою водою и слушалъ производимое *крестовымъ дьякомъ* чтеніе духовнаго поученія изъ какого нибудь «Златоструя» или «Измарагда»; отсюда шелъ въ переднюю или столовую царицыну палату, здороваться съ матерью, къ которой предварительно посылалъ ближняго человѣка спросить «о здоровьѣ»; потомъ, вмѣстѣ съ царицею, выходилъ въ одну изъ дворцовыхъ церквей къ заутрени, по окончаніи которой принималъ въ своей передней палатѣ поклонъ до земли отъ съѣзжавшихся къ этому часу бояръ и съ ними шествовалъ къ обѣдни въ свою верховую, сѣнную церковь; послѣ чего, съ нѣкоторыми изъ ближайшихъ людей слушалъ въ такъ называемой *комнатѣ* доклады о разныхъ дѣлахъ, представляемые начальниками приказовъ; въ полдень, отпустивъ бояръ, снова ударявшихъ челомъ въ землю, шелъ, чаще одинъ, къ *столовому кушанью*, т. е. къ обѣду; потомъ ложился отдыхать и спалъ до вечерни, у которой присутствовалъ окруженный снова съѣз-

жавшимися боярами; за тѣмъ, все время до *вечернято кушанья*, или ужина, проводилъ съ матерью, сестрою и самыми близкими людьми, большею частію родичами Годуновыхъ.

Но число съѣзжавшихся во дворецъ бояръ уменьшалось съ каждымъ днемъ, потому что съ каждымъ днемъ возрастали успѣхи Самозванца, которому спѣшили одинъ за другимъ передаваться бояре, и скоро душа несчастнаго царя-юноши отравилась новымъ горемъ: Кн. Катыревъ и Телятевскій, нежданно явившіеся изъ-подъ Кромъ въ Москву, принесли съ собою вѣсть, что царскіе воеводы кн. Вас. и Ив. Голицыны, Мих. Салтыковъ и самъ Басмановъ, признавъ Самозванца истиннымъ царевичемъ Дмитріемъ, передались и присягнули ему 7-го мая со всѣмъ войскомъ. Вслѣдъ за такимъ страшнымъ для Годуновыхъ извѣстіемъ, Москва видимо начала доставлять Самозванцу перемѣтчиковъ болѣе и болѣе сановитыхъ, а царскій дворъ видимо сталъ часъ-отъ-часу пустѣть—и царь не могъ не увидѣть себя въ положеніи почти крайнемъ. Впрочемъ, Ѳедоръ, какъ нѣкогда Борисъ, питалъ еще надежду поправиться и, вмѣсто того, чтобы терять голову, продолжалъ распоряжаться по-царски, т. е. приказывалъ хватать почью, допрашивать, если нужно съ пыткой, и подъ стражею представлять въ Москву лица, обвиненныя въ чтеніи и распространеніи гра-

маты Самозванца, что видно, напримѣръ, изъ отписки угличскаго воеводы «о черномъ попѣ Онтонѣ», отправленной въ Москву 25 мая ([52]). Одновременно, можетъ быть, съ этою отпискою, получилось царемъ и донесеніе думнаго дворянина Татищева о смотринахъ княжны карталинской Елены, избранной Борисомъ въ невѣсты сыну: «Елену—доносилъ Татищевъ—видѣлъ я въ шатрѣ у царицы: она сидѣла между матерью и бабкою на золотомъ коврѣ и жемчужномъ изголовьѣ, въ бархатной одеждѣ съ кружевами, въ шапкѣ, украшенной каменьями драгоцѣнными. Отецъ велѣлъ ей встать, снять съ себя верхнюю одежду и шапку; вымѣрилъ ея ростъ деревцомъ и подалъ мнѣ сію мѣрку, чтобы сличить съ данною отъ государя. Елена прелестна, но не чрезвычайно: бѣла и еще нѣсколько бѣлится; глаза у нее черные, носъ небольшой, волосы *красные*; станомъ пряма, но слишкомъ тонка отъ молодости, ибо ей только 10 лѣтъ и въ лицѣ не довольно полна. Старшій братъ Елены гораздо благовиднѣе» ([53]). Но Ѳедору было тогда не до Елены, потому что Самозванецъ, оставивъ 19-го мая Путивль, прошелъ уже Орелъ и, слѣдуя отсюда за войскомъ, отправленнымъ съ кн. Вас. Голицынымъ къ Москвѣ, безпрепятственно вступилъ въ Тулу,

([52]) Акты Историч. II. № 55

([53]) Ист. Гос. Рос. XI. 42.

гдѣ встрѣтилъ его, какъ царя, рязанскій архіепископъ Игнатій, къ епархіи котораго принадлежала тогда Тула. Въ то же время безпрестанно являлись въ Москву гонцы съ граматами отъ Лжедмитрія, которыхъ хватали и замучивали до смерти (54), что нисколько не помогало дѣлу царя Ѳедора.

Наконецъ, 1 іюня прибыли въ примосковское Красное Село клевреты Самозванца Наумъ Плещеевъ и Гавр. Пушкинъ, съ граматой на имя кн. Мстиславскаго и двухъ Шуйскихъ, въ которой Самозванецъ, напоминая москвичамъ присягу, данную ими царю Грозному, повѣствовалъ о чудесномъ спасеніи своемъ отъ убійцъ въ Угличѣ; описывалъ черными красками дѣянія «измѣнника своего» Бориса Годунова; говорилъ о настоящемъ правительствѣ: «а измѣнники наши: Марья, Борисова жена, Годунова да сынъ ея Ѳедоръ, о нашей землѣ не жалѣютъ, да и жалѣти было имъ нечего, потому что чужимъ владѣли, и отчину нашу Сиверскую землю и иные многіе городы и уѣзды разорили и православныхъ христіанъ не въ винѣ побили; только того мы, христіанскій государь, въ вину вамъ боярамъ нашимъ и служилымъ людемъ не ставимъ, для того, что есте учинили невѣдомостію и бояся отъ измѣнниковъ

(54) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. С. Соловьева, т VIII. с. 111

нашихъ смертныя казни» ([55]); затѣмъ, слегка упрекалъ москвичей въ неторопливости ихъ перейти на его сторону и, въ заключеніе, обѣщалъ всѣмъ разныя льготы, съ такимъ однако предупрежденіемъ: «А не добьете челомъ нашему царьскому величеству и милости просити не пошлете, и вы то можете разсудити, что вамъ въ томъ дати отвѣтъ въ день праведнаго суда Божія, иже воздастъ комуждо по дѣломъ его и отъ Божія праведнаго гнѣва и отъ нашія царьскія руки нигдѣ незбыти» ([56]). Выслушавъ это, красносельцы до того взволновались, что тотчасъ же бросились въ городъ и заставили стрѣльцовъ, высланныхъ противъ нихъ правительствомъ, возвратиться съ дороги, прибѣжали къ Лобному мѣсту, и тутъ всенародно стали читать грамату самозванцеву, чѣмъ привлекли на свою сторону почти всю московскую чернь, которая, въ свою очередь, «воспумѣ аки лютая буря». Патріархъ Іовъ, увѣдомленный о всемъ происходившемъ и не рѣшаясь лично выдти на площадь со слезами умолялъ бояръ образумить мятущихся бояре, повинуясь патріарху, дѣйствительно явились на Лобное мѣсто, но ничего не могли сдѣлать. И такъ какъ Кремлевскія ворота, на бѣду, не

([55]) Акты Арх. Эксп. II. с. 90.
([56]) Тамъ же, 91.

были заперты, то толпы простонародья съ воплями ринулись въ Кремль, и, опрокинувъ царскую стражу, вломились во дворецъ, гдѣ, по словамъ хронографа, «предобраго царя Ѳедора Борисовича, аки не возрастнаго и присно цвѣтущаго финика немилосердыма рукама отъ престола царьскаго оторгнуша. Мати же его терзаше власы главы своея и умильно народу моляшеся о сыну своемъ, дабы пощадили, не предали смерти» ([57]). Ѳедоръ на этотъ разъ остался живъ: его съ матерью и сестрою вывели изъ дворца въ старый домъ Борисовъ, къ которому приставили стражу ([58]), между тѣмъ, какъ домы бояръ Годуновыхъ, Сабуровыхъ, Вельяминовыхъ и другихъ родичей царскихъ были разграблены и сломаны, а хозяева ихъ брошены въ тюрьмы.

Получивъ донесеніе Плещеева и Пушкина о событіяхъ въ Москвѣ, Самозванецъ немедленно отправилъ сюда изъ Тулы боярина кн. Вас. Голицына, кн. Вас. Рубца-Мосальскаго и дьяка Богд. Сутупова, которымъ, по свидѣтельству лѣтописца, «велѣлъ

([57]) Ист. Гос. Рос. XI. пр 338.

([58]) Этотъ домъ въ 1806 г. былъ проданъ казною съ аукціона, а въ 1807 г. сломанъ. На мѣстѣ его отстроилась потомъ бывшая оружейная палата. Въ 1606 г. въ домѣ борисовомъ квартировалъ тесть перваго самозванца, сендомірскій воевода Мнишекъ, а въ 1610 г. польскій гетманъ Жолкевскій.

цареву Борисову жену и сына ея убить», а 3-го іюня поѣхали изъ Москвы въ Тулу многіе вельможи, чиновники, граждане—всѣ *съ повинною* къ Самозванцу. Что касается исполнителей воли Самозванца, они, по прибытіи своемъ въ Москву, начали съ угодника Годуновыхъ, патріарха Іова: вытащенный, среди священнодѣйствія, изъ Успенскаго собора, патріархъ, въ одеждѣ простаго попа, былъ посаженъ на телегу и прямо съ мѣста отправленъ въ Старицу, для тѣснаго заключенія въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей. Затѣмъ повезли въ дальніе низовые и сибирскіе города родичей царскихъ: Годуновыхъ, Вельяминовыхъ, Сабуровыхъ и, наконецъ, дошла очередь до собственной семьи Бориса, юный представитель которой, уже плѣнникъ счастливаго Самозванца, долженъ былъ заплатить жизнію за нѣсколько дней пользованія достоинствомъ царскимъ. 10 іюня 1605 г., Голицынъ и Мосальскій, сопровождаемые чиновниками Молчановымъ и Шереметиновымъ съ тремя стрѣльцами, отправились въ домъ Борисовъ, нашли царственныхъ узниковъ грустно сидящими другъ подлѣ друга и тотчасъ же развели ихъ по разнымъ покоямъ. Съ царицею Марьею Григорьевною злодѣи покончили скоро, удушивъ ее въ нѣсколько мгновеній; «царевича жъ—свидѣтельствуетъ лѣтописецъ,—многіе часы давиша, яко жъ не по младости въ тѣ поры далъ ему Богъ

мужество: тѣ жъ злодѣи ужасошася, яко единъ съ четырмя боряшеся; единъ же отъ нихъ взятъ его за тайные уды и раздави» ([59]). Впрочемъ, этотъ отвратительно ужасный родъ смерти Ѳедора былъ, можетъ быть, облегченъ нѣсколько, потому что существуетъ еще одно извѣстіе, будто «царь Ѳеодоръ нача убійцъ со слезами молити, чтобы скорою смертію животъ его прекратили.... единъ же отъ убійцъ вземъ древо веліе и удари Ѳедора по раменамъ» ([60]). Во всякомъ случаѣ, несчастный Ѳедоръ умеръ смертію мученика, и на тѣлѣ его, выставленномъ для позора вмѣстѣ съ тѣломъ царицы, проживавшій тогда въ Москвѣ иноземецъ Петрей явственно видѣлъ слѣды задушенія. Въ то же время изъ Архангельскаго собора вытащили нарочно пробитымъ въ стѣнѣ отверстіемъ гробъ Борисовъ и, нѣсколько дней спустя, всѣ три гроба были зарыты, безъ всякихъ почестей, на погостѣ бѣднаго Варсонофьевскаго монастыря въ Москвѣ, служившаго тогда *убогимъ домомъ*, т. е. мѣстомъ погребенія безродныхъ, убогихъ странниковъ ([61]).

([59]) Ист. Гос. Рос. XI. прим. 347.

([60]) Тамъ же.

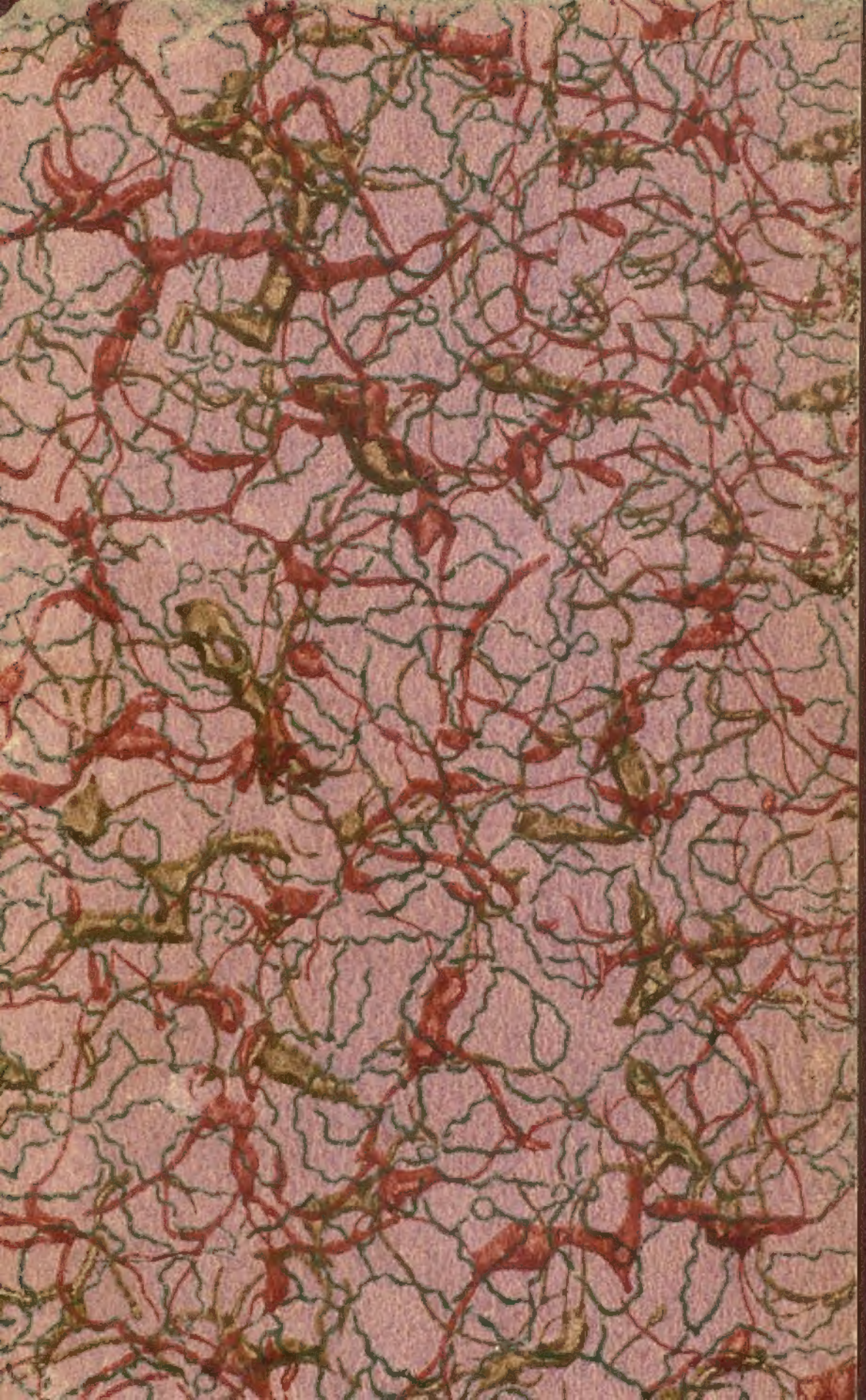
([61]) Отъ Варсонофьевскаго женскаго монастыря, упраздненнаго въ 1764 г. осталась одна двух-этажная церковь Воскресенія *на рву*, до сихъ поръ находящаяся въ Москвѣ, между улицами Рождественкою и Срѣтенкою.

Такъ погибъ жертвою смуты государственной царь Ѳедоръ Борисовичъ Годуновъ—личность ни въ чемъ не повинная и, по всей вѣроятности, хорошая, особенно если справедливо слѣдующее изображеніе этой личности, сдѣланное однимъ изъ современниковъ сына Борисова: «Ѳеодоръ отроча зѣло чудно, благолѣпіемъ цвѣтущи, яко цвѣтъ дивной на селѣ отъ Бога преукрашенъ, и яко кринъ въ полѣ цвѣтущь; очи имѣя велики черны, лице же ему бѣло, млечною бѣлостію блистаяся; возрастомъ средній, тѣломъ изобиленъ; наученъ же бѣ отъ отца своего книжному почитанію; во отвѣтѣхъ дивенъ и сладкорѣчивъ вельми; пустошное же и гнилое слово никогда изъ устъ его исхождаше; о Вѣрѣ и о поученіи книжномъ со усердіемъ прилѣжаше» ([62]). Уже въ царствованіе Шуйскаго, гробы Бориса, жены его и сына были съ честію перенесены въ Троице-Сергіеву Лавру, гдѣ преданы землѣ въ присутствіи несчастной царевны Ксеніи, для того только пережившей отца, мать и брата, чтобы, послуживъ грубому сладострастію Самозванца, зачахнуть въ невольномъ иночествѣ.

Тамъ, въ Троицкой лаврѣ, у юго-западнаго угла

([62]) Написаніе вкратцѣ о Царехъ Московскихъ, о образѣхъ ихъ и о возростѣ і о нравѣхъ, С. Кубасова.—См. Русскія Достопамятности. изд. Обществомъ Истор. и Древн. Рос. въ 1815. ч. I. с. 174.

Успенскаго собора, есть низменная, подъ желѣзною кровелькою, каменная палатка, къ которой ежегодно, 1-го мая, по звуку колокола, пожертвованнаго царемъ Борисомъ, сходится лаврская братія пѣть соборную панихиду. Эта низменная палатка—мѣсто вѣчнаго покоя *всѣхъ четырехъ* членовъ царственной семьи Годуновыхъ, нѣмыя могилы которыхъ самымъ безмолвіемъ своимъ какъ будто выговариваютъ посѣтителю слова, сказанныя нѣкогда царемъ Ѳедоромъ Борису Годунову: «ты достигнешь желаемаго,—но все суета и мигъ на землѣ!»

М. Д. Хмыровъ.

„БУКИНИСТ
В. И. Клочк
Литейный,
С.-ПЕТЕРБУР